

УДК 811.111
UDC 811.111

*Якубова Наталья Михайловна,
ассистент кафедры иностранных языков
Амурский государственный университет*

*Natalia M. Yakubova,
Teaching assistant
Department of Foreign Languages
Amur State University*

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОМНЕНИЯ

METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION OF DOUBT

Аннотация

Актуальность предпринятого исследования обусловлена интересом современной лингвистики к внутреннему миру человека и вниманием исследователей к соотношению языковых форм со структурами знания. Данные факторы определяют значимость изучения состояния сомнения в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. В данной статье выявляются когнитивные метафорические модели и анализируются когнитивные метафоры сомнения, которые позволяют изучить особенности категоризации человеком своего внутреннего мира.

Abstract

The urgency of undertaken research is caused by the interest of contemporary linguistics in human's inner world and by researchers' attention to correlation of language forms with structures of knowledge. These factors define the significance of doubt studying within cognitive-discursive paradigm. In this paper cognitive metaphorical models are revealed and cognitive metaphors are analyzed. Cognitive metaphors help study categorization of man's inner world.

Ключевые слова: сомнение, концептуализация, когнитивная метафорическая модель, когнитивная метафора

Keywords: doubt, conceptualization, cognitive metaphorical model, cognitive metaphor

Состояние сомнения не раз привлекало внимание исследователей. Оно становилось объектом изучения в философии, психологии и лингвистике. На сегодняшний день в философии сомнение понимается как ситуация «мыслительного процесса выбора того или иного суждения для принятия его в качестве собственного мнения или состояние, когда человек не может сделать выбор между двумя противоречивыми мнениями» [Мальцева, 1998, с. 15]. В психологии сомнение рассматривается как психическое состояние, то есть как «субъективное отношение к отражаемому явлению, и как механизм оценки отражаемой действительности» [Куликов, 2000, с. 9]. Психическому состоянию сомнения характерна эмоциональная составляющая, заключающаяся в

том, что сомнение часто сопровождается беспокойством и неудовлетворенностью. Обобщив результаты, достигнутые в философии и психологии, лингвисты исследовали сомнение через призму языка. Сомнение изучалось как категория эпистемической модальности [Беляева, 1985; Арутюнова, 1999], модусная категория [Шмелева, 1990; Арутюнова, 1999; Кобрин, 2006], лингвокультурный концепт [Юровицкая, 2005], макрополе категории некатегоричности [Топка, 2000], также внимание уделялось семантическому [Никольская, 2011] и прагмасемантическому [Емельянова, 2010] аспектам сомнения. Несмотря на то, что в многочисленных научных исследованиях затрагиваются вопросы теории и семиотики эмоций и внутренних состояний, их концептуализации и вербализации [Арутюнова, 1976; Красавский, 2001; Дорофеева, 2002; Воркачев, 2004], остаётся неясным, как человек понимает и осмысляет сомнение. В данной работе мы постараемся раскрыть специфику метафорической концептуализации сомнения. Научная новизна предпринятого исследования заключается в том, что впервые устанавливаются когнитивные метафорические модели внутреннего состояния сомнения.

Любой художественный текст способен воспроизводить психо-эмоциональную жизнь людей. В произведении внутренние состояния выявляются через специфические языковые знаки, которые материальны, наблюдаемы и служат для манифестации внутренней сферы человека [Шаховский, 2008, с. 15]. К таким «материальным языковым знакам», манифестирующим состояние сомнения в художественном тексте, относится концептуальная метафора. Под концептуальными метафорами понимают наиболее значимые в мыслительной и речевой деятельности метафоры, особая роль которых связана с тем, что они способны структурировать мировосприятие людей и в определенной мере детерминировать интерпретацию ими действительности [Грицанов, 2001]. В когнитивной лингвистике метафора определяется как ментальная операция, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [Будаев, 2007]. Когнитивная метафора играет важную роль в исследовании сложного процесса мышления человека.

Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знания двух концептуальных доменов – сферы-источника (*source domain*) и сферы-мишени (*target domain*). В результате однонаправленной метафорической проекции хорошо известные человеку элементы сферы-источника структурируют менее понятную для него концептуальную сферу-мишень, что и составляет суть когнитивного потенциала метафоры. Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят пример концептуальной метафоры LOVE IS WAR, которая не столько является средством описания чувства любви в понятиях войны, сколько устойчивым способом осмысления данного чувства. При помощи исследуемой концептуальной метафоры любовь осмысляется следующим образом: за неё можно бороться и завоевывать, объект любви осаждают или преследуют, а от преследователя, в свою очередь, бегут или противостоят ему, в борьбе за любовь ищут союзников.

Зарубежные исследователи подразделяют когнитивные метафоры на три типа: структурные, ориентационные (пространственные) и онтологические [Lakoff, 1980]. Российские исследователи выделяют антропоморфную, натурморфную, зооморфную, фитоморфную и предметную (артефактную)

метафорические модели [Пименова, 1999; Красавский, 2001]. Названные типы метафор и метафорических моделей задают аналогии и порождают частные метафоры. Проанализировав типы когнитивных метафор в отечественной и зарубежной лингвистике, мы пришли к выводу, что не существует единой её типологии. В нашем исследовании, опираясь на уже известные классификации метафор, мы попытались выделить определенные типы метафорических моделей, которые, в свою очередь, актуализируются в частных когнитивных метафорах. Так, состояние сомнения концептуализируется человеком при помощи таких метафорических моделей, как:

1) антропоморфная метафорическая модель

Человек постигает и осваивает внутренний мир наравне с постижением и освоением мира внешнего. Ассоциативные связи человеческого опыта предопределили соизмеримость «внешнего» человека и человека «внутреннего», следовательно, и антропоморфные признаки последнего [Пименова, 1999, с. 52]. По мнению Н. Д. Арутюновой, персонификация и олицетворение являются основой антропоморфной метафорической модели [Арутюнова, 1976, с. 95]. Антропоморфная метафорическая модель актуализируется в метафорах СОМНЕНИЕ – ЧЕЛОВЕК и СОМНЕНИЕ – ВРАГ.

В метафоре СОМНЕНИЕ – ЧЕЛОВЕК мы наблюдаем приём персонификации. Сомнение, будучи неодушевленным объектом, уподобляется человеку. В следующих примерах сомнению присущи двигательные функции, которыми наделены люди. Лексемы, номинирующие сомнение, выступают в роли субъекта действия. На языковом уровне это лексикализуется глаголом движения *elude* и глаголом говорения *mutter*, ср.: *This doubt and hesitation, this inability to decode the truth, eluded him like a Taliban sniper in the Hindu Kush Mountains* [Palmer, p. 43]; *She straightened her shoulders and tried to ignore all the whispers of doubt muttering inside her head* [Robberts, p. 162].

Антропоморфная когнитивная метафора СОМНЕНИЕ – ВРАГ позволяет осмыслить состояние сомнения как врага. Враг всегда ассоциируется с войной, которая несёт разрушения. То же самое можно сказать и о состоянии сомнения, ср.: *Rainey circled there in the ruinous doubt and longing* [Turrow, p. 271]. Сильное сомнение нарушает эмоциональное равновесие человека и влечет за собой страх и пессимистичный взгляд на будущее, ср.: *The uncertainty of life without her mother was frightening to her* [Palmer, p. 75]; *two-week-old doubts changed me a lot: I couldn't concentrate, work, eat, watch TV, play with my kids... But the worst thing was I didn't see my future!* [Robberts, p. 112]. На войне враги разоряют города и поселения, так и сомнение способно опустошить человека, ср.: *He watched in the dark, gnawing doubt left him empty* [Michael, p. 90].

2) зооморфная метафорическая модель

В сознании человека его внутренние состояния могут представлять в виде животного. Н. Д. Арутюнова указывает, что отрицательные состояния «грызут, терзают, гложут, сосут, кусают, жалят, колют, ранят, точат, пронзают сердце, режут по сердцу, жгут» [Арутюнова, 1999, с. 395].

Образ животного является источником зооморфной метафорической модели, которая актуализируется в когнитивной метафоре СОМНЕНИЕ – ЖИВОТНОЕ. В следующем примере можно увидеть, что сомнение причиняет такую же боль, как укус животного, ср.: *But afterward a doubt bit her heart*

[Smith, p. 89]. Подобно змее, сомнение вкрадывается в голос, ср.: «*Hmm*», *Ike said, doubt creeping into her voice* [Turrow, p. 310]. Из примеров явствует, что в сознании человека сомнение предстает как враждебный зверь.

3) фитоморфная метафорическая модель

Человек соизмеряет себя с объектами окружающего мира, в том числе и с растениями. В основе фитоморфной метафорической модели лежит образ растения. Фитоморфная метафора достаточно широко представлена в художественном дискурсе. Так, анализ примеров показал, что сомнение, подобно растению, может расти, зреть, процветать, увядать. В связи с этим, мы выделяет фитоморфную метафору СОМНЕНИЕ – РАСТЕНИЕ. В представленном примере сомнение проходит стадию увядания, которая характерна жизненному циклу растений, ср.: *After his words, especially after his glance, my doubts faded away* [Michael, p. 203]. Из следующего примера явствует, что сомнение героини в смерти любимого человека было развеяно полицейским. Сомнение исчезает также стремительно и резко, как растение лишается жизни, когда его вырывают из земли. Лишившись сомнения, героиня потеряла надежду увидеть мужа живым, ср.: *The policeman said it was a crash... I hoped that Mike would come but... Sergeant Ryan pulled hope and doubts out of my mind* [Robberts, p. 56].

4) натурморфная метафорическая модель

Реально существующие явления живой природы являются когнитивным источником натурморфной метафорической модели. В ходе исследования мы установили, что натурморфная метафорическая модель состояния сомнения актуализируется посредством когнитивных метафор СОМНЕНИЕ – ЖИДКОСТЬ и СОМНЕНИЕ – ТУМАН.

В концептуальной метафоре СОМНЕНИЕ – ЖИДКОСТЬ отражено представление о сомнении как о жидкости. Понять природу внутреннего состояния можно через представление о «жидком теле, наполняющем человека, его душу, сердце, принимающих форму сосуда» [Арутюнова, 1999, с. 389]. Пребывание в состоянии сомнения осмысливается как колебание жидкости внутри сосуда, что на языковом уровне выражается при помощи лексических единиц *bubble up*, ср.: *Then doubt bubbled up inside her* [Palmer, p. 170]. Сильное сомнение сравнивается с огромной волной, которая накрывает человека, ср.: *Ghosts of summers past faded as the fragrant scent of roses washed over me, and with it another wave of doubt so tall and wide, I felt as though I might drown in it* [Turrow, p. 50].

Когнитивная метафора СОМНЕНИЕ – ТУМАН также актуализирует натурморфную метафорическую модель. Лексическое сочетание *vague doubts* уподобляет состояние сомнения туману и актуализирует идею неясности, ср.: *Vague doubts and fears, and a sudden antipathy to remaining any longer near the summer-house, overcame her* [Michael, p. 238]. Герой испытывает смутные сомнения и не отдаёт себе отчёт, в чём именно он не уверен. В примере ниже сомнение уподобляется дымке, что характеризует его как слабое по силе состояние, ср.: *A haze of doubt and uncertainty hangs in Scotland over the most important contract of civilized life* [Smith, p. 152]. Далее, очень сильное сомнение номинируется лексическим сочетанием *thick mists of the dim doubts* и лексемой *fog*, ср.: *And so, through all the thick mists of the dim doubts in my mind,*

divine intuitions now and then shoot, enkindling my fog with a heavenly ray [Robberts, p. 327].

5) пространственная метафорическая модель

В основе пространственной метафорической модели заложена идея о пространственной ориентации, о противопоставлении типа «верх-низ», «внутри-снаружи», «впереди-сзади», «глубокий-мелкий», «центральный-периферийный» и т. п. Анализ фактического материала показал, что пространственная метафорическая модель актуализирует состояние сомнения при помощи когнитивных метафор: СОМНЕНИЕ – НИЗ, СОМНЕНИЕ – ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ, СОМНЕНИЕ – ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ и СОМНЕНИЕ – ВМЕСТИЛИЩЕ.

Пространственная метафора базируется на сравнении явления, события, состояния с какой-либо частью пространства. Простые пространственные понятия первичны для человеческого сознания и непосредственно связаны с опытом ориентации. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают на пространственную ориентацию когнитивных метафор: GOOD IS UP, BAD IS DOWN. Осознание того, что ХОРОШЕЕ ориентировано ВВЕРХ, а плохое – ВНИЗ демонстрируется следующим выражением, ср.: *We hit a peak last year, but it's been down hill ever since*. 'Мы достигли высшей точки в прошлом году, но с тех пор дела ухудшились (букв.: пошли вниз)' [Lakoff, 1980]. В силу того, что часто сомнение сопровождается отрицательными эмоциями, мы полагаем, что оно концептуализируется при помощи пространственной метафоры СОМНЕНИЕ – НИЗ.

В когнитивной метафоре СОМНЕНИЕ – НИЗ актуализируется значение сильного сомнения, ср.: *His doubt seemed bottomless and perhaps even sincere* [Michael, p. 289]. В рамках когнитивной метафоры СОМНЕНИЕ – НИЗ можно выделить метафору СОМНЕНИЕ – ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ. Из примера явствует, что героиня поникла от сильного сомнения, ср.: *If Manny knocked on the bathroom door and suggested that perhaps she should hurry up, Jennifer seemed to wilt into deeper uncertainty* [Palmer, p. 269].

Возникновение или усиление сомнения уподобляется движению вверх и актуализируется в когнитивной метафоре СОМНЕНИЕ – ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ. Возрастающее сомнение предстаёт в образе утренней зари, которая набирает силу света, ср.: *Grofe didn't look at me immediately. The young man did, with dawning uncertainty* [Smith, p. 219].

Пространственная когнитивная метафора СОМНЕНИЕ – ВМЕСТИЛИЩЕ позволяет концептуализировать данное состояние как нахождение в замкнутом пространстве [Lakoff, 1990, p. 397]. Это связано с тем, что человек переносит идею контура, границы на свое внутреннее состояние [Падучева, 2004, с. 174]. Так, сомнение предстаёт как вместилище, имеющее границы, за которые человек не в состоянии выйти, ср.: *I did not protest; I was in doubt about the safety of natural food here. It could be spoiled or poisonous, despite seeming all right* [Murley, p. 136].

б) сенсорная метафорическая модель

Внутренние состояния человека часто не наблюдаемы, не осязаемы и не воспринимаются на слух. Они выводятся на языковой уровень при помощи каналов восприятия (зрения, слуха, осязания). Анализ эмпирического ма-

териала языковой концептуализации сомнения позволил выделить сенсорную метафорическую модель, в рамках которой выделяется:

- температурная метафора

Температура окружающей среды и предметов влияет на комфортное существование человека. По мнению Е. В. Рахилиной, антропоцентризм человеческого сознания лежит в основе наименования температурных признаков – человек является мерой, с которой он сопоставляет воспринимаемые им признаки [Рахилина, 2000].

Наличие глаголов *sear*, *scorch* позволило нам отнести температурную метафору СОМНЕНИЕ – ЖАР к сенсорной метафорической модели. Компонентами метафорического переноса являются семы воздействия, деструкции и интенсивности. Из следующего примера ясно, что сомнение сравнивается с жаром, который терзает и мучает человека, ср.: *Sudden uncertainty seared my soul* [Murley, p. 39]. Далее в примере глагол *scorch* актуализирует представление о физической боли, которая возникает при соприкосновении человека с огнем или с чем-то очень горячим, ср.: *Uncertainty whether he was Mike's father scorched his mind* [Murley, p. 211].

Температурная метафора СОМНЕНИЕ – ХОЛОД также относится к сенсорной метафорической модели. В примере ниже лексическое сочетание *a cold chill of uncertainty* объективирует сомнение как озноб, ср.: *She felt a cold chill of uncertainty* [Palmer, p. 145]. Сомнение уподобляется холодному ветру, который вызывает у героини дрожь, ср.: *Now, finally, doubt whispered its chill in the wind, and she began shivering and couldn't stop* [Smith, p. 271].

- кинетическая метафора

Мы выделили кинетическую метафору СОМНЕНИЕ – ТЯЖЕСТЬ, актуализирующую сенсорную метафорическую модель. Существование данного вида метафоры обусловлено тем, что состояние сомнения часто сопровождается ощущением тяжести.

По мнению М. В. Пименовой, переживания человека могут быть переданы схемой «тяжесть – отрицательные эмоциональные состояния, легкость – положительные эмоциональные состояния» [Пименова, 2001, с. 258]. Г. Е. Кустова указывает на то, что идея тяжести распространяется на неприятные, мучительные состояния и физиологические процессы. Отрицательные внутренние состояния аналогичны действию тяжести, поскольку они связаны с подавленностью, замедленностью и угнетенностью жизненных функций [Кустова, 2004, с. 301–302]. В качестве тяжести выступают груз, ноша, которые «лежат сверху» на человеке, тяготят и мешают. Так, в примере ниже сомнение, подобно прессу, давит на героя, что отражается на лице или в голосе, ср.: *Brian sees his face squash up with doubt, and feels sorry for him* [Robberts, p. 127]; «*They say mad men have a super human power when the mania is on them*». – «*Maybe*», Pitt said, *heavy with doubt* [Smith, p. 89]. Сомнение может давить на ум, сознание, что связано с тягостными переживаниями, беспокоящими человека, ср.: *Grave doubts weigh heavily on the minds of my family* [Michael, p. 59]. Из приведенных примеров следует, что порой сомнение осмысливается как негативное эмоциональное состояние, которое возникает по причине давления на человека чего-то неприятного.

Когнитивная кинетическая метафора СОМНЕНИЕ – БОЛЬ также актуализирует сенсорную метафорическую модель. Лексическое сочетание *doubt*

twisting his gut вербализует чувство дискомфорта, которое близко ощущению боли, ср.: «*I knew you'd be a powerful Dreamer the first hour of your life*». *He shook his head, doubt twisting his gut* [Murley, p. 98].

Так же как и интенсивность состояния сомнения, интенсивность боли бывает различной. Употребление лексических единиц *horrible pang, prickles, constant prickling* является следствием того, что человек концептуализирует сомнение как слабую или сильную, непродолжительную или постоянную боль, ср.: *He shivered and blinked at her, feeling the horrible pang of doubt knotting in his chest* [Robberts, p. 208]; *Prickles of uncertainty clustered at her temples* [Smith, p. 161]; *Yet she couldn't stop wondering if she had made the right choice leaving Jacob. Her doubt was like the constant prickling of bristles* [Turrow, p. 353].

- визуальная метафора

В концептуальной метафоре СОМНЕНИЕ – ТЬМА отражено представление о сомнении как о темноте. В темноте человек часто испытывает страх, так как не видит ничего вокруг. Часто человек чувствует то же самое, пребывая в сомнении. В следующих примерах героини испытывают сильные сомнения, которые, в свою очередь, провоцируют страх, ср.: *When possibilities were larger than reason, when potential was grander than circumstance, when the long, dark days of doubt were suddenly cast off and laid to rest* [Michael, p. 249]. Когнитивная метафора позволяет судить об интенсивности сомнения. Так, в отличие от лексической единицы *dark days of doubt* лексическое сочетание *a shadow of uncertainty* номинирует слабое сомнение, ср.: *For the first time a shadow of uncertainty seemed to cross her face. But then the shadow passed, and she smiled* [Murley, p. 274].

В результате проведённого исследования мы пришли к выводу, что в большинстве случаев сомнение осмысливается как нечто враждебное, давящее, представляющее угрозу и провоцирующее страх. На когнитивном уровне состояние сомнения репрезентировано антропоморфной, зооморфной, фитоморфной, натурморфной, пространственной и сенсорной метафорическими моделями. Метафорически сомнение концептуализируется как живое существо, враг, растение, жидкость, воздух, туман, низ, движение вниз/вверх, влажность, жар, холод, тяжесть, боль и тьма.

Работа вносит вклад в дальнейшую разработку теории оценки внутренних состояний с когнитивно-дискурсивных позиций, что позволяет изучить особенности категоризации человеком своего внутреннего мира.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
3. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры [Текст] / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2007. – С. 16–32.
4. Грицанов, А. А. Постмодернизм [Текст] / А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрес-сервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
5. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст] / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 498 с.

6. Куликов, Л. В. Проблема описания психических состояний [Текст] / Л. В. Куликов // Психические состояния: хрестоматия. – СПб. : Питер, 2000. – 11-42 с.
7. Кустова, Г. И. Типы производственных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г. И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
8. Мальцева, А. П. Сомнение как философско-методологическая проблема : автореф. дис. ... канд. филос. наук [Текст] / А. П. Мальцева. – Ульяновск, 1998. – 20 с.
9. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
10. Пименова, М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека [Текст] / М. В. Пименова. – Кемерово : Кузбассвузиздат; Laundau : Verlag Empirische Paedagogik, 1999. – 262 с.
11. Пименова, М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия) : дис. ... д-ра. филол. наук [Текст] / М. В. Пименова. – СПб., 2001. – 497 с.
12. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000. – 416 с.
13. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография [Текст] / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
14. Lakoff, G. Metaphors We Live by [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London : The University of Chicago Press, 1980. – 276 p.
15. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things [Text] / G. Lakoff. – Chicago; London : The University of Chicago Press, 1990. – 614 p.
16. Michael, M. People of the Wolf [Text] / M. Michael, K. Gear. – New York : Tor Books, 1990. – 448 p.
17. Murley, N. Don't Do Away [Text] / N. Murley. – San Francisco, 1985. – 240 p.
18. Palmer, C. Stranger in the Night [Text] / C. Palmer. – New York : Steeple Hill Books, 2009. – 286 p.
19. Roberts, N. Blue Dahlia [Text] / N. Roberts. – Waterville, ME : Thorndike Press, 2005. – 370 p.
20. Smith, B. Relentless [Text] / B. Smith. – New York : Leisure, 2010. – 340 p.
21. Turow, S. Personal Injuries [Text] / S. Turow. – Farrar, Straus, Giroux, New York, 1999. – 390 p.

References

1. Arutjunova, N. D. Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy [Tekst] / N. D. Arutjunova. – М. : Nauka, 1976. – 383 s.
2. Arutjunova, N. D. Jazyk i mir cheloveka [Tekst] / N. D. Arutjunova. – М. : Shk. «Jazyki russkoj kul'tury», 1999. – 896 s.
3. Budaev, Je. V. Stanovlenie kognitivnoj teorii metafory [Tekst] / Je. V. Budaev // Lingvokul'turologija. – Ekaterinburg, 2007. – S. 16–32.
4. Gricanov, A. A. Postmodernizm [Tekst] / A. A. Gricanov, M. A. Mozhejko. – Minsk : Interpres-servis; Knizhnyj Dom, 2001. – 1040 s.
5. Krasavskij, N. A. Jemocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah [Tekst] / N. A. Krasavskij. – Volgograd : Peremena, 2001. – 498 s.
6. Kulikov, L. V. Problema opisanija psihicheskix sostojanij [Tekst] / L. V. Kulikov // Psihicheskie sostojanija: hrestomatija. – SPb. : Piter, 2000. – 11-42 s.
7. Kustova, G. I. Tipy proizvodstvennyh znachenij i mehanizmy jazykovogo rasshirenija [Tekst] / G. I. Kustova. – М. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 472 s.

8. Mal'ceva, A. P. Somnenie kak filosofsko-metodologičeskaja problema : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk [Tekst] / A. P. Mal'ceva. – Ul'janovsk, 1998. – 20 s.
9. Paduceva, E. V. Dinamičeskie modeli v semantike leksiki [Tekst] / E. V. Paduceva. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 608 s.
10. Pimenova, M. V. Jetnogermenevtika jazykovej naivnoj kartiny vnutrennego mira čeloveka [Tekst] / M. V. Pimenova. – Kemerovo : Kuzbassvuzizdat; Laundau : Verlag Empirische Paedagogik, 1999. – 262 s.
11. Pimenova, M. V. Koncepty vnutrennego mira (russko-anglijskie sootvetstvija) : dis. ... d-ra. filol. nauk [Tekst] / M. V. Pimenova. – SPb., 2001. – 497 s.
12. Rahilina, E. V. Kognitivnyj analiz predmetnyh imen: semantika i sočetaemost' [Tekst] / E. V. Rahilina. – M. : Russkie slovari, 2000. – 416 s.
13. Šahovskij, V. I. Lingvističeskaja teorija jemocij : monografija [Tekst] / V. I. Šahovskij. – M. : Gnozis, 2008. – 416 s.
14. Lakoff, G. Metaphors We Live by [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London : The University of Chicago Press, 1980. – 276 p.
15. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things [Text] / G. Lakoff. – Chicago; London : The University of Chicago Press, 1990. – 614 p.
16. Michael, M. People of the Wolf [Text] / M. Michael, K. Gear. – New York : Tor Books, 1990. – 448 p.
17. Murley, N. Don't Do Away [Text] / N. Murley. – San Francisco, 1985. – 240 p.
18. Palmer, C. Stranger in the Night [Text] / C. Palmer. – New York : Steeple Hill Books, 2009. – 286 p.
19. Roberts, N. Blue Dahlia [Text] / N. Roberts. – Waterville, ME : Thorndike Press, 2005. – 370 p.
20. Smith, B. Relentless [Text] / B. Smith. – New York : Leisure, 2010. – 340 p.
21. Turow, S. Personal Injuries [Text] / S. Turow. – Farrar, Straus, Giroux, New York, 1999. – 390 p.